

Василий Берви-Флеровский

Отрывки (сборник)

«Public Domain»

1877

Берви-Флеровский В. В.

Отрывки (сборник) / В. В. Берви-Флеровский — «Public Domain», 1877

«На наших глазах происходит странное и весьма интересное явление. С тех самых пор, как существует достоверная история, мы видим две причины вражды между народами, которые нам кажутся совершенно неизбежными, – это национальность и религия...»

Содержание

Свобода речи, терпимость и наши законы о печати	5
Азбука социальных наук	12
Часть первая	12
Отдел первый	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Василий Васильевич Берви-Флеровский

Отрывки (сборник)

Свобода речи, терпимость и наши законы о печати

V

[...] На наших глазах происходит странное и весьма интересное явление. С тех самых пор, как существует достоверная история, мы видим две причины вражды между народами, которые нам кажутся совершенно неизбежными, — это национальность и религия. Вражда эта, по-видимому, выступает тем рельефнее, чем долее живет человечество. С сильным национальным чувством мы встречаемся уже в древности. Чувство это, как известно, очень живо проявлялось у греков, китайцы считали все другие национальности варварами. Но даже грекам национальное чувство не мешало не только ослаблять себя взаимными ссорами, но с полным отсутствием патриотизма обращаться к соседним нациям за помощью друг против друга и навлекать на свою родину все бедствия внешнего нашествия и иностранного завоевания. В древней истории мы видим, что люди всего более заботились о своем господстве и о своих привилегиях, и если господство и привилегии расширялись, то они очень мало обращали внимания на национальности и религии. Нетерпимость была принадлежностью только теократического направления по очень понятным политическим причинам. В это время понимали, что самостоятельная религия, точно так же, как самостоятельная национальная жизнь, создают власть духовную и социально-политическую; для того, чтобы облегчить себе завоевание, нужно сделать уступки этой власти и самое лучшее — принять ее в свой состав на известных условиях. Таким образом, явилась особенного рода религиозная терпимость, которая состояла в стремлении из всех религий сделать одну общую смесь и все национальности сбить в одну общую массу. Были, впрочем, уже в древности религии и национальности, которые не соглашались на компромиссы, напр. евреи, индусы. Евреи не пропагандировали своей религии и в крайних случаях делали уступки, хотя в самых ограниченных размерах. Индийцы самыми безжалостными мерами истребляли в своей среде буддизм и действительно помешали его распространению и загнали его за Гималаи. Но вот среди язычества явилась религия, которая не только не соглашалась ни на какие компромиссы, но всеми силами старалась распространить себя и истребить другие. Такая религия заключала в себе не только своеобразное религиозное воззрение, с чем можно было помириться, но политическую опасность. Поэтому на нее воздвигнуто было самое безжалостное гонение и даже источник, из которого она произошла, евреи были рассеяны по лицу земли. Несмотря на это, христианская религия распространялась, и причина ее распространения очень понятна. В то время, когда язычник жил вполне эгоистическою жизнью и не был способен приносить для своей религии никаких жертв, христианин, напротив, воспитывался в таких правилах, что он способен был для своей веры жертвовать и всем своим имуществом, и своей жизнью. Богатый язычник думал только о том, как бы возвыситься над своими ближними и высасывать из них соки, богатый христианин считал для себя счастьем все свое имущество приносить в жертву Богу. С помощью таких жертв духовенство помогало бедным, лечило больных, освобождало рабов. Оно взывало к народам: «придите сюда все страждущие и угнетенные, мы дадим вам утешение» — и страждущие и угнетенные стекались толпами. Нам трудно теперь себе представить, какое сильное впечатление на умы производило это новое в те времена явление. Впечатление было одинаково велико и в

отношении самых просвещенных и цивилизованных, и в отношении самых невежественных и грубых. Христианство распространялось с изумительной быстротой, если принять в соображение гонения. Но лишь только оно сделало первые успехи, как тотчас стало оказываться, что вместе с распространением уменьшался в религии доблестный дух и христиане, по нравственному своему настроению, все более и более приближались к язычникам. Христианство распространялось благодаря тому, что христиане первые стали жить не эгоистическою, но мировую жизнью. Оказалось, что жить не эгоистическою, а мировую жизнью – это одна из самых глубоких потребностей человеческого духа. Как скоро после первых своих успехов, еще далеко до своего распространения, христианство начало утрачивать первоначальный свой характер, тотчас же в нем стали появляться расколы. Каждое новое вероучение было заражено тем же самым духом нетерпимости и тем же самым духом пропаганды – оно для себя одного отмежевывало весь земной шар. Вместе с тем оно действовало теми же средствами – жизнь самоотверженная, способность жертвовать всем для религии, помощь бедным и угнетенным. Можно было бы ожидать, что из этого произойдет соревнование в добрых делах, постоянно будут появляться новые секты, которые будут превосходить нравственностью предыдущие, склонять этим на свою сторону и все более и более способствовать усовершенствованию человечества. Но законы человеческой природы не таковы, ей не дано возможности так легко развиваться. Христианское духовенство скоро научилось пользоваться всеми средствами для утверждения и распространения своего господства. Оригинальное зрелище представляли в это время римские города. В одном и том же городе жили священники нескольких христианских сект и языческие жрецы, все делали чудеса, уличали друг друга в обмане и привлекали на свою сторону всеми средствами. Тут-то христианские духовные научились узнавать всю силу, которую способна придавать тесная связь и строгая подчиненность, они узнали, что фанатизм может пережить время добродетели и самоотвержения и питаться одними дурными страстями. Когда они сделались достаточно сильны, они преследовали язычество с той же самой беспощадностью, с которой язычество преследовало их, они замучивали язычников пытками и тюрьмами, истребляли их библиотеки, уничтожали училища и разгоняли ученых. С помощью фанатизированных масс они поднимали резню, смело пускались к варварам, указывали им на богатую добычу, обращали в свою секту и накидывались с ними на центры богатства в Римской империи. Случалось при этом, что местная секта убеждала варваров-победителей в выгодах союза с нею для полного господства над местным населением, и варвары легко оставляли прежнее христианское вероучение для того, чтобы принять новое. Трудно сказать, кто более способствовал уничтожению греко-римской цивилизации: варвары или христианское духовенство. Благодаря всеобщему невежеству, духовенство в средние века сделало большие успехи в искусстве фанатизировать массы, развивать в них предрассудки и страх за будущую жизнь. Это до того способствовало его обогащению, что при Меровингах оно владело большей частью французской земли, а в Испании водворилось настоящее теократическое господство и король должен был кланяться духовенству в ноги. Богатства эти возбуждали зависть военного сословия, которое старалось воспользоваться ими и успевало в этом. Духовенство было разьединено и слабо, и ему очень трудно было защищаться. Оно состояло из элементов крайне противоположных. С одной стороны, мы в VI веке видим двух епископов, которые были предводителями разбойников, были удалены за это от своих мест, но восстановлены папою, с другой – благочестивую и безупречную жизнь в некоторых монастырях. Это было причиною и внешнего разьединения. Кроме больших и могущественных сект, в состав которых входили многие народы, епископы и митрополиты из честолюбия вводили в своих округах отличительные догматы и обряды, старались таким образом создать отдельную церковь и, фанатизируя своих духовных детей, восстанавливать их против всего остального христианства. Религии грозило распадение на микроскопические единицы. Злу этому старались

противодействовать соборы, и если они не могли помешать церкви распасться на две большие половины, то, внушая духовенству и христианам необходимость единства, они старались помешать дальнейшему дроблению. В то же время высшее духовенство, в особенности римский первосвященник, старались возбуждать светских владельцев с мечом в руках истреблять секты и распространять толк, к которому они принадлежали. Арияне Бургунды, Визиготы, Ломбарды относились к папе с жгучей ненавистью и стремились к его принижению. Против них папы обращались к защите Франков; Пепин, Карл Великий были великими апостолами католичества с мечом в руках, истребляли его врагов и обращали сектаторов и язычников. Удачно усилившись такими путями, католичество шло по ним все далее. Оно ставило духовенство в положение, независимое от светской власти, давало ему крепкую, централизованную организацию, захватывало в свои руки народное образование, фанатизировало все более массы и направляло их на истребление еретиков и неверных. Всем известно, какое могущественное и блестящее положение составил себе таким образом папа.

В то время, когда христианство переживало такие судьбы, в западной Азии явился новый великий учитель, Магомет. Пророк и его последователи очень хорошо знали, какую силу и какое распространение дали христианству фанатизм и нетерпимость. Их пленяло не то христианство, которое проповедывал Христос, босой и сопровождаемый бедными двенадцатью учениками, которым он мыл ноги в знак того, чтобы они не возвышались над толпой, а христианство гордое, облитое золотом и царившее на высоком престоле, сложенном из окровавленных трупов своих врагов. Великий пророк и его последователи не шли по стопам Христа и Будды, не являлись бедными, смиренными проповедниками добродетели, а, фанатизируя народ, с мечом в руках разнесли свое учение до берегов Атлантического и островов Тихого океана. Но и это учение, так же, как и христианское, тотчас же разделилось на множество сект, среди которых выросли две большие группы. Между суннитами мы видим те же приемы, как и между католиками: строгую духовную иерархию, которая захватывала в свои руки народное воспитание, с тем чтобы всегда и исключительно составлять в его среде интеллигенцию и, фанатизируя массы, истреблять все для него неблагоприятное. Таким образом, по лицу земли разливался дух фанатизма и нетерпимости, всюду разносил он кровь и слезы, всюду водворял пустыню и безлюдье; в Индии уменьшалось население, в прочей Азии зарастали сооружения для искусственного орошения, погружались в землю опустевшие города, Египет, эта житница Средиземного моря, ничего не производил. В Европе было не лучше, всюду можно было видеть только кровь, междоусобия и развалины. Если на всем огромном пространстве этого фанатического мира где-нибудь бывало лучше, то только на самый короткий период, на несколько десятков лет. В это самое время на крайнем востоке Азии мы видим самое странное явление, которое когда-либо представлялось историю. Мы видим духовенство, в руках которого и сосредоточивалась вся светская власть и которое отличалось крайней веротерпимостью и совершенным отсутствием фанатизма. В Китае император – сын неба, верховный жрец господствующей религии, по толку Конфуция, чиновники – ее служители. Это духовенство не только допустило, что громадное большинство народа исповедует другую религию – буддизм, а теперь и христианство, имеет для этого храмы и отдельное духовенство, но не показывало этому духовенству даже и тени ревности. Все, чего оно требует, это – преподавание господствующей религии в школах и знание на экзаменах. Результат такого различного образа действия – на западе Азии безлюдье, а в Китае – самое густое население в свете.

Чем более возрастало влияние духовенства, тем более исчезали христианские добродетели и развивался дикий фанатизм и дух нетерпимости. Духовенство проповедывало, что неверные и еретики – это не люди, что они не могут иметь ни собственности, ни человеческих прав, мало этого, что они должны быть все поголовно истреблены. Там, где католики были сильны и не могли встретить сопротивления, такая проповедь обращалась в ужасную

действительность. Секты были почти истреблены, но вместе с тем исчезла и религия и нравственность, от религии остался один голый формализм, суеверие и фанатизм. Духовенство очень хорошо понимало, что только тогда, когда человечество будет удержано на самом низком уровне варварства, будет возможно сохранять в нем подобные чувства. Оно должно было не только с беспримерной энергией убивать всякое сколько-нибудь сильное, а следовательно, и самостоятельное проявление мысли и чувства, но оно должно было служить Богу на неведомом народу языке и, объявив евангелие книгой нецензурной, показать, какая цель у цензуры. Таким образом, духовенство вздумало поступать на территории, где столпились самые способные племена, когда-либо населявшие земной шар. Античная цивилизация уже доказала способности южноевропейского населения, точно так же отличалось ими и северное. Скандинавы еще в диком состоянии до того усовершенствовали свое оружие, что оно давало им возможность в малом числе бить многочисленных врагов. Они умели строить такие суда и образовывать из себя таких мореходов, что превзошли все, что существовало до них в этом роде на земном шаре. Чтобы судить о способностях и изобретательности тогдашнего европейского населения, стоит сравнить средневекового рыцаря разных эпох в полном вооружении с вооружением современных ему воинов в разных других частях земли. Заглушить развитие ума в таком народе было невозможно, и так же невозможно заглушить развитие чувства. Средства, которые предоставлены нам природою для того, чтобы составлять себе понятие об окружающем нас мире, так ограничены, что мы никаким рациональным путем не можем объяснить нашу солидарность с миром или отсутствие этой солидарности. Что такое мир? Может быть, земля и все звезды, которые мы видим, – это только атомы какого-нибудь огромного тела, которое в свою очередь относительно других тел столь же бесконечно мало, как человек относительно видимого для него мира? Имеет ли это тело душу и какое влияние имеет эта душа на нас? Но, может быть, все это не так, все это совершенно иначе? Религия, отличающаяся самым глубоким рационализмом, китайская, вынуждена сказать, что она о Боге ничего не знает. Ни один человек не даст мне рационального ответа на вопрос, почему я должен мировые интересы предпочитать своим собственным. Все, что может ответить на это наука, – это то, что при узком эгоизме личностей народы дичают и погибают. Но ведь погибают другие, а не я; может быть, для мировой жизни мое существование так важно, что гибель всех других ради умещения моей утробы есть мировое благо? Кто знает, какую роль я играю в мировой экономике; если мне даны такие силы, что я могу губить и делать несчастными других ради собственного благополучия, то я из этого заключаю, что я должен так поступать и что, если от этого гибнет земное население, то происходит благо для не земного мира, в котором земной мир не оставляет даже одного атома. Я должен или признать бесцельность созданного и существующего, или рассуждать так, как я рассуждаю, а так как я бесцельности создания не признаю, то я считаю свое рассуждение верным. Нет рациональной аргументации, которая способна была бы опровергнуть такое рассуждение; оно не опровергается, но против него возмущаются наши чувства. Солидарность между нами и миром, способность жертвовать своими интересами для интересов мира и людей – это есть чувство. Когда это чувство разбито, то поступки, распложаящие на земле счастье, доставляют человеку несравненно более благополучия, чем удовлетворение каким-нибудь мелким личным интересам; он способен не задумываясь пожертвовать своей жизнью, если он будет убежден, что от этого на земле расплодится более счастья, чем он может испытать в течение своей жизни. Такое развитие чувств порождает на земле самое счастливое и самое способное к развитию население, потому что тогда интересы всех людей делаются солидарными и они думают только о том, как бы доставить друг другу более благополучия, между тем как при неразвитом чувстве интересы эти противоположны и они делают друг друга настолько несчастными, насколько только могут. Никакое развитие невозможно прежде развития этого чувства, и вот почему первое стремление к цивили-

лизации всегда начинается с его развития. Оно развивается от восторженных настроений и питается ими и гибнет от мертвящего формализма. Вот почему, лишь только средневековая Европа почувствовала потребность развития, в ней проснулось желание заменить прежних своих учителей-формалистов людьми, способными возбуждать восторженные настроения и склонность к самоотвержению. Всюду проявились секты с бесчисленными поклонниками; глубоко укоренившийся дух нетерпимости вооружился на них всеми средствами – школьным учением, цензурой, огнем и мечом. Последствия известны: в течение двух столетий он опустошал Европу и обращал ее к варварству. При этом оказалось то, что потом повторялось по отношению к другим народным движениям. Всего более пострадали не те страны, где дух нетерпимости боролся совершенно безуспешно, и не те, где после кровавой борьбы он должен был более или менее уступить, а те, где он царил спокойно и безраздельно, гордый своим могуществом. Так, от движения 1848 года всего более пострадали не те страны, где были восстания и революции, а те, где стеснение народной мысли и народных стремлений было вполне успешно и страны оставались спокойными. Германия в течение XVI и XVII вв. покрывалась горами кровавых развалин; она одичала и запустела, и, несмотря на эту ужасную борьбу, только половина ее населения осталась в католичестве. Какими средствами достигнут был этот результат, видно, напр., из того, что в XVII веке из маленькой Богемии одним указом выгнано было 30 000 семейств. Между тем оказывается, что в окончательном результате кроме Англии от религиозных гонений всего меньше пострадала Германия. Самые ужасные последствия сосредоточились на Испании, где нетерпимость царила безраздельно и где еретики не могли представлять даже такого сопротивления, как во Франции. В XV веке Пиренейский полуостров был гораздо богаче и населеннее Франции; в течение XVI и XVII вв. его население уменьшилось на две трети, и страна пришла в такое ужасное положение, что в течение XVIII и XIX вв. не могла даже достигнуть той густоты населения, которою она пользовалась, прежде; теперь ее население составляет всего три четверти прежнего, и оно в два с половиной раза менее густо, чем во Франции. В американских владениях своих испанцы истребили пятнадцать миллионов индейцев. В свою очередь Франция до реформации была гуще населена, чем Англия, ее промышленность была гораздо более развита и работники ее были гораздо искуснее. После двух веков религиозной борьбы первенство на промышленном рынке перешло на сторону Англии всего более потому, что искусные руки из Франции переселились к ее более веротерпимой сопернице. Как ни бесчеловечна была деятельность духовенства в этом случае, но она объясняется эгоистическими мотивами. А спрашивается: какая цель была у народа, который способствовал ему, который со зверскою радостью накидывался на его жертвы и поощрял его к жестокости? Какую пользу извлек француз-католик из притеснений, от которых он и его потомство пострадали более, чем даже притесненные, от которых его родина сделалась беднее и утратила свое промышленное превосходство? Самоотвержение, с которым в это время люди и народы бичевали себя, изумительно. [...] Но все это крайнее извращение чувств и здравого смысла все-таки не изменило неизбежного пути, по которому идет человеческое развитие. В массе народа там, где всего более чувствуются потребности прогресса, всего более появляется и религиозных сект. В Америке их более, чем в Англии, в Англии более, чем на материке Европы.

Глядя на то, что делается кругом нас, можно подумать, что духу нетерпимости суждено до конца быть бичом современной цивилизации. Лишь только кровавый призрак религиозной нетерпимости начал бледнеть и его громадные размеры начали уменьшаться, с другого конца Европы стал подниматься призрак не менее страшный и стал поить землю человеческой кровью. Этот призрак – вопрос о национальностях. Я спрашиваю, какую выгоду имеет немец, который пашет землю около Зальцбурга, от того, что он будет питать вражду к чеху, сапожнику в Праге, и обратно? Если от этого произойдет война, то их разорят податями,

а если они не поддадутся слабости вражды и будет мир, то с них податей этих не потребуют, промышленность разовьется, и они оба выиграют. Понятно, что между католическим ксендзом и лютеранским пастором вопрос о религии – это вопрос о хлебе, вопрос о том, кому будут платить жители известного прихода – тому или другому. Точно так же вопрос о национальностях между чехом и немцем – чиновником, а может быть, и землевладельцем – это вопрос о том, кому достанется известная должность, кому удастся дешево купить известное имение. Но народам-то что до этого за дело? А ведь между тем чиновники и священники не могут поднять знамя вражды, если народы за ними не последуют. Как же не стыдно после этого народам позволять себя до такой степени водить за нос и замешивать себя в кровавое дело, от которого они могут только проиграть? Вражда эта, высасывая в течение веков все материальные средства народа, одинаково деморализует и победителей и побежденных, развивает в них страсть к насилию и придает самым грубым и диким наклонностям вид благородного патриотизма. Дело может доходить до того, что целые государства превращаются в притоны разбойников, разбойники обращаются в народных героев и при случае могут занимать высшие места в государствах; Турция слишком известна как пример такого печального положения. Национальная и религиозная вражда может мешать государству принять необходимые для его безопасности пределы, и если пределы эти сохраняются под давлением внешней силы, то из этого выходит слабость, которая часто хуже ограниченных пределов. Местности со смешанным населением делаются жертвою бесконечных раздоров и бесконечного взаимного притеснения, а если мы бросим взгляд на карту цивилизованного мира, то убедимся, что местностей с вполне однородным населением в национальном и религиозном отношении вовсе нет, а местности, где люди другой национальности и веры живут только в ничтожном числе, составляют значительное меньшинство. К местностям однородного населения можно отнести: Италию, почти всю Швецию, Норвегию, значительные части Испании, Португалии, Франции и Дании и некоторые губернии России. Из всего пространства Европы в 178 000 квадратных миль только 54000 кв. м[или], т. е. менее трети, покрыты сплошными массами однородного в религиозном и национальном отношении населения. Только Италия, Испания, Франция и Россия могли бы составить из местностей однородного населения государства, достаточные для своей собственной защиты. Из трехсот миллионов европейского населения только девяносто могли бы жить в таких государствах; следовательно, значительно более двух третей европейского населения были бы вечной жертвою или внешней слабости или внутренних междоусобий и взаимных преследований. Можно ли воспитывать в себе чувства, более противоположные своему собственному счастью и общественному благу? Не есть ли это тяжкая болезнь, высасывающая все здоровые соки из современной цивилизации и могущественно задерживающая прогресс человечества?

Как! – воскликнет кто-нибудь. Вы так легко обращаетесь с национальным и религиозным вопросом, вы выставяете народы слепыми орудиями каких-нибудь священников или чиновников! По-вашему, это узость ума и чувства, при которой, ради эгоизма нескольких тысяч, миллионы поднимают на себя самоубийственную руки; для того чтобы какого-нибудь чиновника избавить от необходимости выучиться какому-нибудь языку, сотни тысяч людей перерезывают друг другу горло! Неужели естественна связь народа цивилизованного и способного жить при весьма совершенных политических формах с варварским и полудиким, который будет стремиться притянуть его к своему уровню? – Я вполне согласен, что связь между местностью, способной к высокой политической форме, и такой, где может царить только азиатский деспотизм, связь неестественная, но разве это вопрос национальностей? Такое явление так же часто может встретиться среди одной и той же национальности, как и среди различных. Бельгия и Франция говорят одним и тем же языком, но для бельгийцев и для Европы было бы несчастье, если бы они составили одно государство; и нет никакого несчастья от связи Франции с немцами Эльзаса и Лотарингии, хотя это другая нацио-

нальность. У различных национальностей, точно так же, как среди одной и той же, может быть для раздела множество весьма основательных политических и социальных причин. Так отделились Соединенные Штаты и испанские колонии. Но это будет вопрос политический и социальный, а не вопрос национальностей – религиозная и национальная вражда тут ни при чем. Мы уже видели, что политические идеи и чувства распространяются по соседству, и резкое различие тут так же редко может встретиться среди одной, как и у соседних национальностей. И в том и в другом случае это может встретиться только при исключительных обстоятельствах, между которыми первое – продолжительное, вполне отдельное существование.

Чем ближе мы будем рассматривать этот предмет, тем более мы убедимся, что национальная и религиозная ненависть – это извращение чувств и верх нелепости, что это плод грубого эгоизма немногих, которые пользуются слабостями народов. Если тут виноваты народы, а не их подстрекатели, отчего же в демократиях религиозная и национальная вражда исчезает, отчего в Швейцарии мы не видим национальной вражды, а видим религиозную, которая поддерживается крепко соединенным и единодушно действующим иерархическим духовенством?

Есть одно средство для излечения от этой болезни – это свобода речи. Везде, где водворяется свобода речи, а с тем вместе и возможность показать народам их интересы в настоящем их свете, религиозная и национальная вражда блекнет и исчезает. [...]

Азбука социальных наук

Часть первая

Отдел первый

Значение сильных и слабых в истории развития человечества

[...] Кроме материальной производительности, благосостояние людей зависит еще от развития науки и интеллигенции. Из какого источника люди почерпали этот род совершенства? Первая наука, первая философия высказывалась в виде религиозного учения. Это учение преподавалось в виде поэм, и в такой форме выражалось мировоззрение, которое уже обнаруживало большую силу мысли и глубокое наблюдение. Исторические предания передавались точно так же в виде песен, поэтическую форму принимала у Греков и первая светская наука. К какому же роду людей принадлежали творцы этих первых умственных произведений? Творцы эти, по большей части, нам неизвестны, но мы все-таки можем себе составить приблизительное понятие об источнике первобытной поэзии. Нам известно, какую роль играли поэты среди варваров, разграбивших Рим. Они менее всего выходили из высших рядов гордых завоевателей – это были льстецы и потешники, стоявшие наряду с домашней челядью. Из низших же рядов общества набирались средневековые трубадуры. В настоящее время мы также встречаем певцов у хищных номадов. Певцы эти стоят на одном уровне с домашней прислугой. Везде хищники смотрят на них свысока, как на людей, которые могут доставить удовольствие, но которые не должны забывать своего места. Гомера изображают нам слепым нищим, который своими песнями выпрашивал для себя милостыню. Один путешественник рассказывает, что когда в Тунисе сказали про него, что он тальба (ученый), то тунисская аристократия получила о нем весьма низкое понятие. Предания иначе говорят о людях, которым приписывается начало религий. Христу, Будде, Конфуцию приписывается аристократическое происхождение. Но это аристократическое происхождение резко противоположно тому, что рассказывается об их жизни. Христос родился в конюшне, учеников он набирал из самых низких слоев общества. Он родился в местности, где жило население, наименее уважаемое между евреями. Будда нищенствовал. Религия браминов точно так же произошла от нищих, и потому истинный религиозный философ этой секты должен быть нищим. Не трудно объяснить себе, каким образом первоначальные вероучители попадали впоследствии в ряды аристократов. Самые древние религиозные источники показывают нам, что первоначальная религиозная философия имела чисто свободный научный характер, она не составляла догмата, она не была неподвижной. Такое состояние религиозной философии не только прямо высказывается в ее самых первобытных источниках, напр., в древнейших песнях Вед, но подобные же наблюдения могли сделать миссионеры во время проповеди между дикарями. Не только простые дикари, но даже их жрецы тотчас принимали известное религиозно-философское мировоззрение, как скоро оно казалось им более возвышенным по своей природе, но рядом с этим сохраняли свои суеверия до тех пор, пока они мало-помалу не истреблялись разными путями. Религиозно-философские свои воззрения они изменяли настолько же легко или трудно, насколько и всякие другие воззрения и предрассудки. Изменения эти следовали у них тому же закону, которому у всякого человека следует изменение всякого рода убеждений и предвзятых мнений; они,

например, отчасти открыто признавали новые взгляды и отчасти оставались при старых. Такой характер религиозных воззрений покажется совершенно естественным, если припомнить, что на островах Тихого океана находили диких, которые дошли даже до отвлеченного понятия невидимого бога и не имели ни храмов, ни жрецов. Но уже рано не трудно было заметить, что религиозное учение способно соединять людей, что оно имеет такое сильное влияние на душу человеческую, что может порождать в них неразрывную привязанность и восторженное, добровольное повиновение. Победоносные хищники скоро сумели этим воспользоваться. Они то сами делали жрецами, то вводили в свой состав духовенство и для этого старались возвысить религию до себя и давали ей аристократическое происхождение. Обратив ее в орудие для своих целей, они старались придать ей единство и неподвижный характер. Таким образом зародились наследственно переходящие в семействах и письменах верования и господствующая церковь. Мало этого, они старались сделать из философского учения, лежащего у религии в основании, таинство, недоступное народу, и всю религию обратить для него в ряд внешних обрядов, которых истинный смысл должен был остаться непонятным. Это значило, пользуясь другим свойством человеческой природы, убивать в людях стремление к религиозно-философскому мышлению, укореняя грубое суеверие, которое считает нетерпимостью высшей своей добродетелью. Успех их в самом деле был так велик, что религия лишилась своего научного смысла уже у индийцев и персов, а у греков превратилась в грубое идолопоклонство. Это наконец привело к тому, что наука совершенно от нее отделилась и пошла своим путем, олицетворяя все в больших размерах интеллектуальный прогресс в то время, когда религия сделалась образом неподвижности. Несмотря на это, религия не скоро позабыла свое плебейское происхождение. Живое напомнило об этом распространяющееся христианство, где среди заносчивого направления феодального варварства духовенство набиралось преимущественно из угнетенных классов общества, из рабов, добровольно принимало внешние признаки рабства и даже бывало организацией, которая давала слабым средство защищаться против сильных.

Из среды слабых вышла первая наука, первая созерцательная философия в виде религиозного мировоззрения. Она достигла уже высокой степени совершенства, хотя и преклонялась перед сильными и льстила им. Грозил установиться порядок вещей, при котором наука, опираясь на религиозное чувство, должна была сделаться достоянием масс и развиваться вместе с ними, но захваченная сильными руками, эта первая наука сделалась бесплодной, утрачена была даже и этими сильными и выродилась в грубое суеверие. Религиозное чувство должно было оживлять ум человеческий, сделать из научной истины для него святыню и цель жизни, а это чувство обращено было в орудие, которое ратовало против всякой науки и всякого исследования. Наука лишилась своего значения, даже почти погибла; истина, которая под влиянием религиозного чувства обожалась как святыня, утратила в глазах народов свою прелесть, их религиозное чувство, при новом его направлении, сделало святыню из лжи и суеверия, бичующих истину. Но природа человеческая такова, что наука не могла погибнуть. Как же относились к ней сильные – хищники и их потомки. Это отношение видно довольно ясно из многочисленных свидетельств о глубоком презрении, которое показывали хищники Азии и Африки к людям, занимающимся научными исследованиями. Точно так же относились к ней Спартанцы и Римляне. Германцы-завоеватели, составившие аристократию средних веков, гордились своим невежеством. Те части населения современной Европы, где всего более преобладают хищники – турки, испанцы, относятся к ней почти таким же образом до настоящего дня. Но наука, точно так же как и религия, сделалась со временем силою. Люди науки вышли из среды угнетенных, ради своей слабости, масс, вместе с теми, которые порождены были развившеюся в той же среде промышленностью и составляли среднее сословие. Сословие это, под именем демоса, плебеев, тьерс-эта, вело вековую борьбу против сильных во имя слабых, борьбу, в течение которой оно постоянно подвергалось

науку новым и ожесточенным преследованиям. Эта антипатия к науке, эта страсть ее преследовать и до сих пор далеко не исчезла в высших слоях общества. Она внушает им мысль и чувства поразительной нелепости. Что может быть общего между открытием в химии или математике и народным волнением, возбужденным тягостью какой-нибудь рекрутской повинности или феодального права, — однако же в XIX столетии высшие слои общества цивилизованной Европы умели как-то связывать эти вещи, приписывать политические волнения развитию естественных наук и подвергать их гонению на этом основании. Когда мы встречаемся с этим настроением, где постоянно опасаются, чтобы чья-нибудь слабая голова не постигла истины и не распространила ее между слабым населением, когда мы видим, как в 1809 году во Франции, что все рукописи объявляются государственной собственностью и опубликование их дозволяется только с разрешения министра внутренних дел, как в 1839 году правительство предоставляет себе право назначать библиотекарей во все библиотеки, принадлежащие разным обществам, с тем, чтобы жители могли учиться только настолько, насколько это нужно высшим его слоям, как в 1852 году архивные книгохранилища этих обществ признаны государственною собственностью и недоступными для публики, когда мы видим все это, нам кажется, что такое настроение должно весьма замедлять исследование истины и развитие науки. Оказывается, однако же, что презрение к науке средневековых завоевателей и подозрительность по отношению к ней со стороны наследовавших им высших слоев общества еще несравненно более счастливое обстоятельство, чем слишком горячая любовь к ней. Мы видели, что сделалось из религии, когда она попала в руки высших, господствовавших в человечестве племен, — она стала источником умственной и нравственной неподвижности; та же самая судьба постигала науку, когда она, подобно религии, принималась господствовавшей частью населения с открытыми объятиями и находила тут для себя средоточие. [...]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.